

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 112

(Январь).

1909.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕВІСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНИЕ: О силѣ покаянной молитвы.—Догматинъ 7-го гласа. *Гермонаха Аверкія*.—Край желаній челоуческаго духа. (О хрістіанской жизни). *Н. К.*—Беседа о томъ, отнуда пошла наука и вѣрують ли въ Бога люди ученые.—Одинъ изъ тѣхъ немногихъ коихъ весь міръ недостоинъ. Блаженный Хріста ради тродивый священникъ отецъ Теофилактъ Авдѣень. *Сергій Пидуса*.—Изъ житія Преподобнаго Серафима Саровскаго.

Прилагается къ Вслог. Енарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О СИЛѢ ПОКАЯННОЙ МОЛИТВЫ.

Нѣтъ, подлинно нѣтъ ни одного грѣха, который бы не покорился и не былъ препобѣжденъ силою покаянія, или справедливѣе, благодатию Христовою. Лишь только мы успѣемъ обратиться, Онъ уже помогаетъ. И если хочешь быть добрымъ, никто не препятствуетъ,—или лучше, діаволь хотя и старается препятствовать, но не можетъ, когда самъ ты избираешь лучшее, и такимъ образомъ Самого Бога дѣлаешь своимъ защитникомъ. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то какъ Онъ будетъ твоимъ заступникомъ? Онъ хочетъ, чтобы ты получилъ спасеніе не по принужденію и насилію, но по свободной волѣ. Если и ты, имѣешь слугу, который тебя ненавидитъ, отвращается и часто отъ тебя бѣгаетъ, не хотѣлъ бы держать его, не смотря на то, что ты имѣешь нужду въ его служеніи, то тѣмъ болѣе Богъ, Который все дѣлаетъ не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасенія, не захочетъ тебя насильно удерживать. Напротивъ, лишь только изъявишь расположеніе, то никогда тебя не захочетъ оставить, что бы діаволь ни замышлялъ противъ тебя. И такъ мы сами бываемъ виновниками собственной своей гибели, потому что не приступаемъ къ Богу, не молимся Ему, не призываемъ Его подобающимъ образомъ. А если и приступаемъ, то дѣлаемъ это такъ, какъ бы не думали получить,—не съ подобающею вѣрою все дѣлаемъ, не съ усиленнымъ моленіемъ, а нерадиво и безпечно. Между тѣмъ Богъ хочетъ, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являетъ тебѣ великую милость. Это единственный Должникъ, Который, когда мы просимъ Его, оказываетъ намъ милость и даетъ то, чего мы не давали Ему въ заемъ. Если Онъ усмотритъ, что проситель неотступенъ, то даетъ и то, чего не получилъ отъ насъ. Но если просятъ Его съ нерадѣніемъ, то и Онъ медлитъ—не потому, что не расположенъ дать, но потому, что Ему угодно, чтобы мы Его умоляли. Потому

Онъ и представилъ тебѣ въ примѣръ друга, ночью пришедшаго и просящаго хлѣба, и судію, Бога не боящагося и людей не стыдящагося. И не ограничился этими примѣрами, но и засвидѣтельствовалъ тоже самыми дѣлами, когда финикійскую женщину отпустилъ съ обильными даяніями. Въ ея примѣрѣ показалъ, что усиленно просящимъ Онъ даетъ и то, чего бы не надлежало давать. *Нѣсть бо добрѣ*, говорилъ Онъ, *отъяти хлѣбъ чадомъ и повреци немомъ* (Марк. VII, 27),—и однако далъ за ея неотступное прошеніе. А въ примѣрѣ іудеевъ показалъ, что безопаснымъ не даетъ и ихъ собственности. Потому они не только ничего не получили, но и лишились того, что имъ принадлежало. Они, потому что не просили, не получили и принадлежащаго имъ, а финикіянка, за то, что просила усердно, присвоила себѣ и чужое,—и песь получилъ то, что принадлежало чадамъ. Столько то полезно неотступное прошеніе! Хотя бы ты былъ песь, но если станешь неотступно просить, то будешь предпочтенъ безопасному чаду. Въ чемъ не успѣваетъ дружество, того достигаетъ усиленная просьба. Итакъ, не говори, что Богъ—мой врагъ, потому и не выслушаетъ меня. Онъ, если будешь неотступно умолять Его, тотчасъ отвѣтитъ тебѣ, если не по близости твоей къ Нему, по крайней мѣрѣ ради неотступной просьбы твоей. Ни вражда, ни безвременность, ни иное что не будетъ служить препятствіемъ. Не говори: я многогрѣшенъ и потому не могу просить разгнѣваннаго; Богъ не на достоинство смотритъ, но на расположеніе. Если вдова преклонила начальника, Бога не боявшагося и людей не стыдившагося, то тѣмъ болѣе непрестанная молитва привлечетъ къ себѣ Благого. Пусть ты не другъ Богу, пусть просишь недолжнаго, пусть ты расточилъ отеческое достояніе и долгое время находился въ отсутствіи, пусть ты приходишь къ Нему лишеннымъ чести и какъ худшій изъ всѣхъ, пусть являешься къ разгнѣванному и негодующему; только возымѣй намѣреніе молиться и возвратиться къ Нему,—все получишь, и гнѣвъ и осужденіе тотчасъ истребишь. Но вотъ, я молюсь, скажешь ты,—и нѣтъ ни-

какого успѣха! Это потому, что ты молишься не какъ сиропфиникіянка, или другъ безвременно пришедшій,—не какъ вдова, непрестанно нудящая судію, и сынъ, расточившій отцовское имущество. Если бы ты такъ же молился, то скоро бы получилъ. Хотя и раздраженъ Богъ. но Онъ—Отецъ; хотя и разгнѣванъ, но чадолюбивъ, и одного только ищетъ—не того, чтобы наказать тебя за обиду, но того, чтобы видѣть тебя обратившимся и умоляющимъ Его.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

ДОГМАТИКЪ 7-ГО ГЛАСА.

Вѣртія многовѣщанныя, якоже рыбы безгласныя, видима о Тебѣ, Богородице: недоумѣють бо глаголати, яко Дѣва пребыла еси и родити возмогла еси (акаѳ. Богор. ик. 9), т. е. ученые міра сего, какъ бы ни были велики и многообъемлющи ихъ познанія, и какъ бы ни были они краснорѣчивы, подобно рыбамъ умолкають предъ величіемъ непостижимаго таинства, проявленнаго на Матери Божіей; они не могутъ какъ сами понять, такъ и другимъ объяснить, какъ это возможно было пребыть дѣвою и родить—явленія одно другому противорѣчація. Св. Іоаннъ Дамаскинъ тайну воплощенія Сына Божія отъ Приснодѣвы Маріи называетъ сверхъестественнымъ чудомъ. *Мати оубо познала еси паче истинства Богородице*, говоритъ онъ въ началѣ догматика седьмаго гласа. *Странно двамъ дѣторожденіе*. Пресвятая же Дѣва Марія хотя и была обручена Іосифу, 80-ти лѣтнему старцу, но онъ былъ не мужъ Ея, а только хранитель, попечитель Ея, и Она, живя въ домѣ Іосифа, оставалась такою же чистою и непорочною, какъ и во время пребыванія Своего во храмѣ. Она съ недоумѣніемъ спрашивала небснаго вѣстника, явившагося къ Ней возвѣститъ о зачатіи Ею Сына: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* (Лук. 1, 31). Гавріиль возвѣщаетъ Ей, что *Сила Вышняго* осянеть Ее и сынъ Вышняго будетъ Ея сыномъ, не имѣя отца на землѣ. Услышавъ отъ небснаго вѣстника о чудесномъ зачатіи, смиренная Дѣва съ покорностію отвѣчаетъ: *буди Мнѣ по глаголу Твоему* (Лук. 1, 38), и съ этого момента зачала во чревѣ, носила, какъ и всякая жена, зачатое Ею девять мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ и родила Сына. Но это рожденіе не нарушило Ея дѣвства—*ключи Дѣвы не вредивый въ рождество Твое* (пасх. к.); Она какъ была непорочною дѣвою, такъ и

осталась послѣ рожденія Ею Сына. Какимъ же образомъ? **Пребыла же Ей Дѣва паче слова и разума.** Какъ нельзя объяснить сверхъестественныя явленія: кустъ горѣлъ и не сгорѣлъ, волнующееся море было пройдено пѣшимъ народомъ и три отрока, брошенная въ раскаленную печь, остались неопалимы; такъ равнымъ образомъ разумъ человѣческій не можетъ постигнуть этого чуда, а языкъ выразить, объяснить его словами, какъ Дѣва по рожденіи Ею Сына пребываетъ дѣвою—это паче слова и разума. **И чужде рождетѣа твоегѡ казати ѡзвѣкъ не мѡжетѣ.** Часто не только простые люди, но и ученые, мудрецы вѣка сего, не могутъ объяснить самыхъ обыкновенныхъ вещей, напр., какъ обрзауется ребенокъ во чревѣ матери въ продолженіи 9-ти мѣсяцевъ, или какъ одна и таже земля производитъ разные цвѣты, деревья, и проч.; тѣмъ болѣе разумъ отказывается объяснить, а языкъ выразить чудо, совершившееся надъ Пресвятою Дѣвою Марією. Въ одной изъ церковныхъ пѣсней говорится: *Богъ изъ боку Твоею пройде* (9 пѣс. кан. на Преоб.); но это выраженіе обрзаное, указывающее на то, что Сынъ Божій не нарушилъ Своимъ рожденіемъ Ея дѣвства, хотя и былъ такимъ же человѣкомъ, какъ и мы—*плотоносецъ явился на земли* (тамже). Это то безсиліе человѣческаго языка и непостижимость разума и выражаетъ составитель догматика въ дальнѣйшихъ словахъ: **преславно бо свщъ зачатію, Чистаа, непостѣженъ ѣсть образъ рожденія.** И не только человѣческій умъ, но и ангельскій постигнуть не можетъ этого чуда, т. е. безсѣменнаго зачатія и несказаннаго рожденія. *Радуйся ангеловъ многословущее чудо* (ик. 2-й), восклицаетъ св. Церковь. И дѣйствительно, когда Архангелъ возвѣстилъ Ей о преславномъ зачатіи Сына, то на вопросъ Ея—*како будетъ сіе* отвѣтилъ, что все это совершается по волѣ и всемогуществу Вышняго—*Сила Вышняго оспнитъ Тя*, и какъ бы въ объясненіе такого чуда и въ увѣреніе возможности его указываетъ на Ея родственницу Елисавету, которая, будучи неплодна и находясь въ такомъ возрастѣ, когда уже способность къ дѣтороженію прекращается, все таки зачала сына, и оканчиваетъ свое объясненіе словами: *не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь* (Лук. 1, 37), т. е. у Бога не останется безсильнымъ никакое слово. Слѣдовательно, если Ангелъ преславное зачатіе Сына Божія во чревѣ Дѣвы объяснилъ только всемогуществомъ Божіимъ, то тѣмъ болѣе *непостѣженъ сть образъ рожденія.*—Богъ Еввѣ за нарушение заповѣди сказалъ: *въ бользняхъ родиши чада* (Быт. 3, 16). Слова эти сказаны не одной Еввѣ, а въ лицѣ ея всѣмъ женамъ, имѣющимъ раждать дѣтей, что мы и видимъ доселѣ. Но рожденіе Спасителя отъ Пресвятой Дѣвы Маріи было безболѣзненное, особенное, образъ котораго постичь нельзя. Человѣкъ, какъ су-

шество ограниченное, не всегда можетъ исполнять свои желанія; но Богъ, какъ существо всемогущее, неограниченъ въ Своихъ желаніяхъ—*Идѣже бо хощетъ Бгъ, побѣждаетъ естество чинъ.* Законы природы не могутъ противиться волѣ Творца природы и Учредителя этихъ законовъ. Если машина, устроенная человѣческими руками, двигается съ извѣстною быстротою по законамъ механики, останавливается по волѣ машиниста, управляющаго ею, то неужели природа, сотворенная Богомъ, не можетъ измѣнить иногда своего порядка, повинаясь волѣ своего Творца?

Но для чего нужно было измѣнять законы природы? Почему это рожденіе должно было быть сверхъестественнымъ, чудеснымъ?

Прежде всего потому, что Сыну Божію нужно было принять плоть такую же, какъ и наша, со всѣми немощами и свойствами, но въ то же время плоть чистую и безгрѣшную, свободную отъ первороднаго грѣха, такую, какую имѣлъ Адамъ до грѣхопаденія. Чрезъ обыкновенное зачатіе и рожденіе, о которомъ говорить Давидъ въ 50-мъ псалмѣ: *въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мѣ мати моя,*—Спаситель не могъ получить плоти незараженной первороднымъ грѣхомъ; и вотъ Духъ Святой освящаетъ утробу чистыя Дѣвы и Сынъ Божій *безъмѣнно* для Матери Своей зачинается во чревѣ Ея отъ чистыхъ и дѣвственныхъ кровей и *безболѣзненно*, какъ Свободный отъ первороднаго грѣха, раждается отъ Дѣвы: *Радуйся, земле ненасытная* (стих. на Благ.). Далѣе Сыну Божію, какъ безгрѣшному Богочеловѣку, необходимо было явиться во плоти необыкновенно, непостижимо, явиться какъ *Владыкъ* природы, хотя и въ образѣ раба. Наконецъ и пророчества о Мессіи, особенно Исаи, который ясно сказалъ, что Еммануиль родится отъ *Дѣвы*, а не отъ жены,—какъ хотѣлъ перевести праведный Сумеонъ это пророчество—и Іезекииля, который предсказалъ, что врата, чрезъ которыя пройдетъ Господь, будутъ заключена,—какъ же могли бы исполниться, если бы Господь родился обыкновеннымъ образомъ, какъ и всѣ раждаются? А буквальное исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи служить яснымъ доказательствомъ того, что Родившійся отъ Дѣвы Маріи есть Сынъ Божій, второе лице Св. Троицы.

Такимъ образомъ на Пресвятой Дѣвѣ Маріи, за Ея смиреніе, чистоту и святость, совершились необыкновенныя, безпримѣрныя, превышающія нашъ умъ, событія. Она содѣлалась матерію, не познавши мужа, и осталась дѣвою по рожденіи Сына, и этотъ Сынъ никто иной, какъ Богъ, второе лице Св. Троицы. Поэтому—*чѣмъ же Та Матерь Божію вѣдающе, молимитца прилежно, моли спастися душамъ нашимъ,*—зная Тебя, какъ Матерь Бога всемогущаго, Который можетъ *побѣждать естества чинъ*, т. е.

нарушать, когда нужно, обычные законы жизни, и умоляемъ усердно Тебя, такъ какъ Ты близка къ всемогущему Своему Сыну, чтобы Онъ спасъ наши души. *Моленіе теплое, и стѣна неборимая, милости источнице, мірови прибуѣжище, прильжно вопіемъ Ти: Богородице Владычице, предвари, и отъ бѣдъ избави насъ. Едина вскорѣ предстательствующая!*

Герол. Аверкіи.

Край желаній человѣческаго духа.

(О хрістіанской жизни).

(Окончаніе).

Съ теченіемъ времени, когда человѣкъ при помощи Божіей отъ худыхъ дѣлъ отстанетъ, въ добромъ же жительствѣ утвердится, тогда внутренняя брань мало по малу начнетъ ослабѣвать и стихать въ сердцѣ, появляться же будутъ миръ, покой и радость. Къ великому удовольствію—нерѣдко будутъ западать въ душу слезы благодатнаго умиленія и доставлять сердцу неизъяснимую сладость. Слезами будетъ очищаться сердце отъ страстей и освобождаться отъ браней. Легокъ тогда уже будетъ казаться путь хрістіанскаго жительства и пріятны труды во спасеніе души своей. Благодарныя чувства къ Богу не рѣдко будутъ преисполнять сердце и душевное настроеніе дѣлать веселымъ. Тогда и самыя молитвы будутъ имѣть иной видъ, иную силу и иную сладость. Чувства своего нравственнаго убожества и нищеты духовной, соединяясь съ чувствами благодаренія къ Богу, будутъ исторгаться изъ сердца въ умиленныхъ воздыханіяхъ и благодарственныхъ славословіяхъ. И вотъ, слова мужей духовныхъ, сказанныя о молитвѣ: „молитва есть радость возсылающая благодареніе“¹⁾, „молитва есть врачество печали и унынія“²⁾, „молитва есть дыханіе души“³⁾—понятны будутъ сердцу во всемъ ихъ значеніи.

Уже не Богомъ Мстителемъ, не страшнымъ Судією не грознымъ Обличителемъ, будетъ имѣть тогда вѣрующая душа Творца своего, а милостивымъ Владыкою, щедрымъ Благодѣтелемъ и благимъ Отцемъ небеснымъ. Его она будетъ прославлять и благодарить за посылаемая блага въ жизни, Его будетъ имѣть утѣшителемъ въ скорбяхъ и прибуѣжищемъ во искушеніяхъ, на Него

¹⁾ Св. Исаакъ Сир. Слово 61.

²⁾ Св. Ниль Спн. Слово о мол.

³⁾ Моя жизнь во Хрістѣ.

будеть возлагать свои надежды и упованія и Ему ввѣрять свою жизнь, свою конечную судьбу и участь свою.

Что это такъ есть, и бываетъ на самомъ дѣлѣ, не лишнимъ будетъ присовокупить для примѣра и назиданія два краткихъ сказанія изъ жизни угодниковъ Божіихъ: 1-е въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ подвизалась смиренная раба Божія и добрая хрістіанка. Вся ея молитва къ Богу заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „нѣтъ Тебя краше, нѣтъ Тебя добрѣ!“ Сколько любви къ Богу и чувствъ благодаренія высказывалось этими словами!.. А вотъ еще и другое: въ одномъ изъ древнихъ Египетскихъ монастырей подвизался ревностный братъ. Однажды къ нему пришелъ одинъ изъ его близкихъ родственниковъ и сказалъ ему: „у тебя умеръ родной отецъ!“— „Перестань богохульствовать! „Мой Отецъ безсмертенъ!“ отвѣтилъ онъ ему. Кратко и это изреченіе, но много заключаетъ въ себѣ любви и сыновней преданности Богу.

Когда же хрістіанская жизнь раскроется въ душѣ во всей полнотѣ и будетъ служить „единымъ на потребу“, тогда всѣ сомнѣнія относительно вѣры потеряютъ всякую почву, и, какъ туманъ какой, разсѣются; великіе же истины хрістіанскаго ученія уяснятся самою жизнью. Чудную они представляютъ взорамъ ума систему. Сколько доставятъ тогда душѣ тайнаго утѣшенія, наслажденія, радованія!.. Жалкою, безжизненною и ложною покажется тогда вся премудрость философская, вся ученость книжная, отвергающая Божественность Хріста Сына Божія и благодатную помощь Свыше. Въ себѣ самомъ узрѣлъ вѣрующей хрістіанинъ „измѣну отъ десницы Вышняго“ (Псал. 76, 11) и ощутилъ радость отъ вѣры возсіявающую въ тайникахъ ума¹⁾. Посмѣется онъ слѣпотѣ и невѣжеству такихъ немудрыхъ въ хрістіанской наукѣ мудрецовъ, которые „глаголющеся быти мудри, обюродѣша, и омрачися неразумное ихъ сердце“ (Рим. 1, 24). Во дни объяла ихъ тьма (грѣховная), въ полудне же блуждаютъ якоже въ нощи (въ мудрованіяхъ вѣка сего) (Іова 5, 14). Слова Божественнаго Писанія будутъ для него дороже всего. Вѣру къ нимъ будетъ имѣть полную и несомнѣнную. По нимъ онъ будетъ провѣрять свою жизнь и ими руководствоваться во всѣхъ поступкахъ своихъ. И если Господь, Своею милостію, не оставитъ и во всей послѣдующей жизни, то благодареніе Господу: обрѣлъ онъ спасеніе свое!..

„Много на земли есть предметовъ достойныхъ уваженія: искусства, науки, доброе правленіе, богатство, достоинства; но что все это безъ доброй жизни? *Кая польза чловѣку, аще мѣръ весь приобрящеть, душу же свою отщеститъ* (Мѣ. 16, 26). Все другое,

¹⁾ Св. Писакъ Сир.

кромѣ добродѣтели смиренія, походить на математическій нуль и получаетъ смыслъ и значеніе только отъ нея, какъ нули отъ цифръ. Стяжавшій добродѣтель смиренія, стяжалъ ненохитимос сокровище. Все другое можетъ быть расхищаемо здѣсь и все непремѣнно оставить челоѣка въ день смерти. А добродѣтель смиренія безопасно проходить этотъ испытательный пунктъ, вводитъ челоѣка въ небесное отечество и соединяетъ на вѣки съ Богомъ¹⁾. Сіе то вотъ стяжаніе хрістіанской жизни, стяжаніе добродѣтели и Богообщеніе, и составляютъ конечную цѣль и край всѣхъ желаній и устремленій челоѣческаго духа.

Н. К.

Бесѣда о томъ, откуда пошла наука и вѣруютъ ли въ Бога люди ученые.

Всемогущій Творецъ одарилъ челоѣка умомъ и силой, вознесъ его выше всякой земной твари и опредѣлялъ ему самое почетное мѣсто въ мірѣ, поселивъ его въ раю сладости и блаженства. Но согрѣшилъ челоѣкъ, оскорбилъ своего Творца, изгнанъ изъ рая и осужденъ въ потѣ лица своего снискивать себѣ пропитаніе. Грѣхъ все болѣе и болѣе поработалъ себѣ людей и, чѣмъ болѣе они отдавались грѣху, тѣмъ болѣе удалялись отъ Бога, тѣмъ болѣе служили своей плоти, пока, наконецъ, Господь не осудилъ весь родъ челоѣческой, ставшій, по слову Писанія, плотью, на истребленіе потопомъ, кромѣ семейства праведнаго Ноя. Но и въ потомствѣ Ноя царствовалъ грѣхъ, за что Господь и разсѣялъ людей по лицу всей земли. Лишенные Божіей благодати за смрадъ грѣха, люди постепенно дичали, служа своимъ страстямъ и похотямъ, забывали Бога истиннаго, обращались въ дикарей, мало чѣмъ отличающихся отъ животныхъ. Но въ душахъ ихъ все же не могла погаснуть искра Божія, душа лучшихъ изъ нихъ все же тосковала о потерянномъ Богѣ. Какъ бы ошупью, по выраженію Апостола, эти слѣпцы всюду искали Бога: и среди свѣтилъ небесныхъ, и среди созданій земныхъ, обожая звѣзды, огонь, людей и даже гадовъ земныхъ... Видѣлъ Господь эту тоску души челоѣческой, и путемъ естественнаго богопознанія, путемъ разсмотрѣнія видимаго міра, велъ ихъ къ Себѣ. Какъ волхвы—цари Востока приведены были къ яслямъ Христовымъ чудесною звѣздою, такъ мудрецы греческіе путемъ изученія законовъ мірозданія и самой души челоѣческой приходили къ сознанію, что есть Единный, имъ невѣ-

¹⁾ Еп. Теофанъ, Начертаніе.

домый Богъ, и ставили Ему жертвенники съ надписью „Невѣдомому Богу“.

Проходили тысячелѣтія, лучшіе люди всего міра томительно ждали явленія въ міръ Того, Кто былъ чаяніемъ всѣхъ народовъ земныхъ, къ Кому ветхозавѣтные праотцы въ томленіи души зывали: Господи, приклони небеса и сниди! И языческіе мудрецы говорили: если Самъ Богъ не приметъ образа человѣка и не придетъ къ людямъ, если Онъ Самъ Себя не откроетъ людямъ, то никогда людямъ не познать Его! И по мѣрѣ раскрытія въ людяхъ этого смиреннаго сознанія своей немощи, своего безсилія познать истиннаго Бога, Богъ, по неизреченному Своему милосердію, давалъ имъ способность уразумѣвать дивныя законы мірозданія, читать великую книгу природы, открывавшую славу Творца въ Его твореніяхъ, и даже пользоваться законами природы для своихъ нуждъ земныхъ.

Такъ зародилась, такъ росла и совершенствовалась истинная наука. Такъ человѣкъ, подобно ребенку, постепенно, шагъ за шагомъ, развивался и усовершенствовалъ свои познанія. Такъ создалась на землѣ гражданственность, образовались государства, совершенствовалась земная жизнь человѣческая. Среди народовъ, болѣе способныхъ, болѣе чувствующихъ въ самихъ себѣ искру Божію, развивалась такъ называемая „культура“, то-есть процвѣли науки, искусства, земледѣліе, промышленность. Но грѣховность человѣческая проявлялась и тутъ: въ то время, когда лучшіе умы человѣческіе искали Бога въ природѣ, въ то время, когда лучшіе люди создавали законы человѣческаго общежитія, старались облегчить тяготу жизни на землѣ разными изобрѣтеніями,—больная часть людей всѣ эти блага обращала во зло, на служеніе своимъ страстямъ, своимъ похотямъ. Зло и грѣхъ, во всѣхъ его видахъ, широкою волною разливались по землѣ. И самый тонкій, и самый грубый развратъ, пьянство, страсть къ зрѣлищамъ, ненасытимая жажда удовольствій, алчность къ почестямъ, власти, богатству, а отсюда и огрубѣніе нравовъ до скотоподобія—все это вело людей къ гибели: наука имъ не помогала, потому что ихъ развращенное сердце требовало, чтобы наука служила только ихъ страстямъ, и вотъ одно за другимъ великія государства, Египетъ, Вавилонъ, Ассирія—пали, дольше всѣхъ держался желѣзный Римъ...

Во дни всемірнаго владычества Рима возсіяло, наконецъ, спасеніе міра: въ убогой провинціи римской—Иудеѣ явился давно ожидаемый міромъ Царь міра—Господь Иисусъ Христосъ. И если бы не явился Онъ, Избавитель міра, не устоятъ бы грѣшному міру: онъ погибъ бы такъ же, какъ погибли современники Ноевы, если не отъ водъ потопныхъ, то отъ взаимнаго само-

истребленія. Ужась объемлетъ сердце, когда читаешь, до какой степени развратилось человѣчество къ тому времени. Ученіе Христово спасло міръ, вдохнувъ въ него новую струю благодатной жизни. Христіанство побѣдило язычество, развѣяло мракъ заблуждений, согрѣло человѣческое сердце небесною любовію, дало новыя силы для борьбы со зломъ въ собственномъ сердцѣ каждаго человѣка и такимъ образомъ—обновило міръ. И вновь процвѣли науки и искусства, и съ новыми силами умъ человѣческій устремился къ изученію уже не только видимой природы, но и своего собственного духа, законовъ его нравственнаго бытія. Явились аскеты, исполины духа, великіе подвижники въ борьбѣ съ духомъ злобы, съ княземъ міра сего, явились мученики, герои вѣры, явились великіе учителя вѣры—свѣтильники Церкви Христовой. Явилась христіанская культура, истинное просвѣщеніе.

Но такова воля Божія, чтобы пока существуетъ этотъ грѣхомъ зараженный міръ, дотолѣ и люди боролись съ грѣхомъ, побѣждая его въ себѣ благодатью Христовой, воспринимаемой свободнымъ произволеніемъ самого человѣка. Вся исторія Церкви Божіей есть исторія борьбы добра со зломъ, свѣта съ тьмою, истины съ ложью, Христа съ сатаню. Посему и Церковь Христова, „сущая на землѣ“, называется воинствующею. Церковь всегда покровительствовала истинной наукѣ, благословляла истинное искусство, сама пользовалась искусствомъ для украшенія храмовъ своихъ, призывала Божіе благословеніе и на всѣ полезныя для жизни человѣческой изобрѣтенія. Но и сатана всѣ свои силы, всю свою хитрость употребляетъ, чтобъ и наука, и искусство, и все то что называется культурою, служило ему, его погибельнымъ цѣлямъ. По прежнему онъ всячески старается развратить сердце человѣческое, отравить его ядомъ грѣха, а умъ заставить служить грѣшному сердцу. И вотъ мы видимъ, что человѣкъ съ каждымъ днемъ накапливаетъ все больше знаній и дѣлаетъ новыя открытія и изобрѣтенія, проникая всюду своимъ, пытливымъ умомъ. И гдѣ только человѣкъ не бывалъ? Онъ опускается на дно морское; онъ летаетъ по воздуху; онъ извлекаетъ изъ нѣдръ земли то, что ему нужно: онъ подчинилъ себѣ молнію (громоотводъ), воду, воздухъ, огонь... Кто бы сотню лѣтъ тому назадъ повѣрилъ, что можно двигаться помощью пара, что можно за сотни верстъ говорить по проволоцѣ (телефонъ), можно передавать свои мысли на тысячи верстъ помощью той же проволоки (телеграфъ), что можно, подобно птицѣ, перелетать горы и долины?

Казалось бы: человѣкъ долженъ благодарить Бога, своего Творца и благодѣтеля, за то, что Онъ открываетъ ему эти тайны

природы, даетъ ему возможность пользоваться ими, быть владыкою надъ землею и всѣмъ, что на землѣ. А врагъ ему шепчетъ свое старое—престарое: будете, яко бози... Ты уже владычествуешь надъ міромъ, ты все знаешь, еще немного и твоя наука раскроетъ всѣ тайны предъ тобою, ты увидишь, что нѣтъ тебѣ нужды въ Богѣ: ты самъ—богъ!

Но и въ состояніи этого великаго пскушенія Богъ не оставялъ человѣка безпомощнымъ: въ немъ совсѣмъ не погасаль свѣточъ совѣсти; замѣчательно: истинные ученые, признаются въ томъ, что, чѣмъ больше открываютъ они тайнъ природы, тѣмъ больше видятъ премудрость Творца, благоговѣнно дивятся сей премудрости, прославляютъ ее, сознаются, что они и малой доли не познали, и одной страницы не прочитали изъ великой книги Премудрости Божіей. „Знаю только то, что ничего не знаю“, говорилъ великій мудрецъ древности. „Дивна дѣла Твоя Господи, восклицаетъ вѣрующій ученый хрістіанинъ: воистину вся премудростію сотворилъ еси!“ Самые великіе естествоиспытатели были въ тоже время самыми искренно-вѣрующими хрістіанами. Послушаемъ, что говорятъ эти великіе мужи науки ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

.....

ОДИНЪ ИЗЪ ТѢХЪ НЕЖНОГИХЪ, КОГО ВСЕЪ ЖИЗНЬ НЕДОСТОИНА.

Блаженный Хріста ради юродивый священникъ, отецъ Теофилактъ Авдѣевъ.

I.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія такимъ великимъ подвигомъ подвизался въ предѣлахъ Рязанской губерніи и въ смежныхъ съ нею уѣздахъ Тульской Хріста ради юродивый священникъ, о. Теофилактъ Авдѣевъ.

Разбирая рукописи въ архивѣ одного изъ великихъ по духу монастырей русскихъ, я нашель въ числѣ ихъ тетрадку, въ которой рукою неизвѣстной мнѣ монахини записано объ этомъ великомъ подвижникѣ и прозорливцѣ слѣдующее:

„Начинаю съ того, во славу Божию, съ какого года я стала знать отца Теофилакта. Опишу все, что извѣстно мнѣ или лично,

¹⁾ При подборѣ нижеслѣдующихъ выписокъ авторъ пользовался, главнымъ образомъ, двумя брошюрами свящ. М. Слудскаго „Признаютъ ли ученые Бога?“ Харьковъ 1908 г. и С. П. „Въ утѣшеніе маловѣрнымъ“, Черниговъ 1907 г.

или отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, объ этомъ истинномъ и великомъ рабѣ Божиємъ.

Въ 1824 году я поступила въ Михайловскій Покровскій монастырь. Родитель мой былъ Родіонъ Θεодоровичъ Ураевъ; онъ служилъ, не помню въ какомъ году, въ городѣ Скопинѣ уѣзднымъ судьей. Въ то время тамъ городничаго не случилось, тоже не знаю почему, и отецъ мой правилъ его должность. Въ это время обокрали Скопинское казначейство; родитель же мой пророчилъ отрапортовать объ этомъ и поэтому находился подъ судомъ. Изъ числа привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ, кромѣ отца моего, только казначей да стряпчій имѣли кое-какую собственность и то самую незначительную, а потому казна обратила взысканіе на городничаго, т. е. на моего отца, правившаго тогда эту должность. Хотя и наше имѣніе было не велико, но оно все было описано и назначено для продажи съ аукціону. Это горе случилось въ 1824 году, въ годъ, именно, моего вступленія въ монастырь, въ которомъ старшая моя сестра уже была монахиней. Отецъ Θεофилактъ въ то время уже юродствовалъ и былъ почитаемъ, какъ истинный блаженный, въ нашемъ монастырѣ, куда и хаживалъ часто и даже гостилъ.

Пріѣхалъ къ намъ въ монастырь со своею скорбью нашъ родитель, а тутъ, какъ разъ, случился и отецъ Θεофилактъ. Мой батюшка ему и говоритъ:

— „Вотъ, я скоро долженъ остаться безъ куска хлѣба съ шестью дѣтьми: имѣніе продадутъ—казна все возьметъ!“

— „Нѣтъ“, отвѣчаетъ о. Θεофилактъ: „баринъ правъ! Вотъ, поѣдутъ черезъ Москву въ мантияхъ да въ черныхъ шляпахъ—и будетъ баринъ правъ!“

— „Неужели же я буду опять владѣть своимъ имѣніемъ?“ — спросилъ батюшка.

— „Непремѣнно“, отвѣтилъ отецъ Θεофилактъ: „только его послѣ все разложить по кабакамъ“.

Ничего въ то время изъ его словъ понять было нельзя; но годъ спустя, въ 1825 году, скончался въ Таганрогѣ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, и повезли его тѣло черезъ Москву, и, конечно, всѣ были въ траурѣ,—„въ мантияхъ и черныхъ шляпахъ“,—по выраженію о. Θεофилакта. Отецъ мой въ то время уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и подалъ просьбу князю Волконскому о снятіи съ него казеннаго иска. Прошеніе было принято, и, по случаю восшествія на престолъ Государя Николая Павловича, ему простили казенный долгъ „не въ примѣръ прочимъ“, какъ было ему объявлено.

Такъ и сбылись слова о. Θεофилакта: „баринъ правъ“.

Въ 1834 году скончался мой родитель. Послѣ него наслѣдни-

комъ остался мой братъ, человѣкъ петрезвой жизни: и вскорѣ все имѣніе родительское онъ пропустилъ въ пьянство—„разложитъ по кабакамъ“,—какъ предсказалъ блаженный.

Это былъ первый въ моей жизни случай прозорливости о. Теофилакта.

II.

Не помню въ какомъ году, надъ нашимъ монастыремъ былъ благочиннымъ архимандритъ Солотченскаго монастыря, о. Иларій. Пріѣхалъ онъ къ намъ по дѣламъ благочинія при игуменіи Евсевіи. Въ то время въ нашемъ монастырѣ гостилъ о. Теофилактъ и проживалъ по разнымъ кельямъ. Какъ человѣку всѣми признанной высокой духовной жизни, юродивому и къ тому же старцу, отцу Теофилакту это нарушеніе монастырскаго устава дозволялось, вѣрнѣе, на это смотрѣли сквозь пальцы, по слову,— „праведнику законъ не лежитъ“.

Неувѣренная, какъ отнесется къ этому благочинный, игуменія, боясь, чтобы о. Теофилактъ не попался архимандриту гдѣ-нибудь въ кельѣ, предупредила его, сказавъ, что у насъ гоститъ юродивый священникъ. Архимандритъ пожелалъ его видѣть. Меня дали ему въ провожатыя, такъ какъ я была приставлена къ нему для услугъ въ начальнической кельѣ. Когда меня о. архимандритъ позвалъ его провожать, о. Теофилактъ находился въ кельѣ у одной послушницы, крестьянки села Жаловля, Михайловскаго уѣзда. Никому и въ голову не могло придти, чтобы къ этой послушницѣ пожелалъ зайти архимандритъ, а между тѣмъ, пока мы собирались къ кельѣ игуменіи идти къ ней, отецъ Теофилактъ, лежавшій въ кельѣ послушницы на полатяхъ, вдругъ сталъ слѣзать съ нихъ и говорить:

— „Приберите все—гости будутъ!“

Спустя немного времени, мы съ отцомъ архимандритомъ вошли въ келью. Встрѣча была мирная. Отецъ Теофилактъ поцѣловался съ архимандритомъ по чину іерейскому; и тутъ между ними произошелъ такой разговоръ:

— „Ты—праведникъ, но священникъ!“—сказалъ ему архимандритъ: „а я—грѣшникъ, но архимандритъ. Скажи мнѣ, причащаешься ли ты Святыхъ Таинъ?“

Отецъ Теофилактъ отложилъ свое юродство и смиренно отвѣтилъ:

— „Причащаюсь!“

— „Гдѣ же?“

— „Въ селѣ Осановѣ, каждый Успенскій постъ. Тамъ священникъ—мой духовникъ!“

И, дѣйствительно, какъ потомъ узнали, отецъ Теофилактъ всегда этимъ постомъ уходилъ въ село Осаново Михайловскаго уѣзда.

Много въ тотъ разъ они говорили между собою, но я частью не слыхала о чемъ, а частью и не упомню. Только, когда мы вышли изъ той кельи, архимандритъ сказалъ:

— „Великій человѣкъ—сей юродивый!“

Когда этотъ архимандритъ прїѣзжалъ къ намъ въ монастырь, онъ любилъ, бывало, чтобы ему у матушки игуменіи въ кельѣ пѣли наши клиросныя пѣвчія, и онъ всегда давалъ имъ за это довольно много денегъ. Въ этотъ его прїѣздъ въ числѣ клиросныхъ была и я, приставленная, кромѣ того, къ нему для порученій. Замѣтивъ это, одѣляя другихъ, онъ тайно ото всѣхъ, чтобы не было другимъ завидно, сунулъ мнѣ въ руку красную бумажку, которая тогда ходила за десять рублей ассигнаціями. Объ этомъ щедромъ дарѣ я никому не сказала, кромѣ монахини, съ которой жила въ одной кельѣ, и та мнѣ подала совѣтъ никому объ этомъ ничего не говорить, чтобы не ввести въ зависть; и никто объ этомъ ничего не зналъ.

Проводили мы архимандрита—его вскорѣ послѣ того перевели въ Задонскъ—и, спустя нѣсколько времени, мы—послушницы да и нѣкоторыя монахини собрались большой компаніей къ о. Теофилакту въ ту келью, гдѣ онъ на ту пору находился. Пришла и я туда же со своей монахиней, и всѣ стали хвалить добраго архимандрита Иларія. О. Теофилактъ молчитъ—ни слова. Тутъ и я свое словечко вставила:

— „Батюшка“, говорю: „а, вѣдь, хорошъ архимандритъ? у насъ такого не бывало!“

А тотъ на мои слова:

— „Что мнѣ, сударыня“, говоритъ: „его хвалить? Если бы онъ мнѣ далъ красную асигнацію, я бы его похвалилъ“.

Конечно, другія никто ничего не поняли изъ словъ блаженнаго старца, но мы то, переглянувшись съ моей монахиней, это хорошо поняли...

Когда нашего благочиннаго, архимандрита Иларія, перевели въ Задонскъ, случилось и мнѣ тамъ быть на богомольѣ. Когда я собралась ѣхать обратно въ свой монастырь, архимандритъ Иларій далъ мнѣ отвезти отъ его имени о. Теофилакту книжку твореній Святителя Тихона и сказалъ:

— „Попроси его, чтобы онъ мнѣ что-нибудь написалъ!“

Когда я вернулась въ обитель, отца Теофилакта у насъ въ монастырѣ не было, и поэтому я не могла ему скоро передать книги. Въ это время къ одной изъ нашихъ монахинь, Теофаніи, прїѣхали изъ Скопина родные. Прїѣхали они не столько къ ней, сколько къ о. Теофилакту, котораго легче всего было найти въ нашемъ монастырѣ; но такъ какъ онъ находился на этотъ разъ не у насъ, а въ одной деревнѣ, то и Теофанія, и ея родные со-

брались ѣхать къ нему туда. Я была рада оказіи переслать ему книгу и отправляя ее съ м. Теофаніей, дала съ ней и листъ бѣлой бумаги, чтобы онъ написалъ что-нибудь архимандриту.

Вернулась м. Теофанія и привезла письмо отъ о. Теофилакта. И что же за письмо написалъ этотъ старецъ Божій! Только въѣра въ святость его какъ Божьяго угодника заставляла отнестись къ этому письму какъ къ чему-то серьезному, несмотря на всю видимую нелѣпость его содержанія. Написано оно было на цѣломъ листѣ, а начиналось такъ: „Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобіе! Когда наши російскіе поклонники пойдутъ къ Соловецкимъ чудотворцамъ, то Вы ихъ примите, учредите“ и т. д.—все въ томъ же родѣ и все о Соловецкомъ монастырѣ. Въ концѣ же этого письма было написано такъ: „а Надежду Родионовну (такъ меня прежде звали) сдѣлайте игуменіей“,—но монастыри назначилъ не тѣ, въ которыхъ мнѣ уже послѣ смерти архимандрита Иларія, Богъ привелъ быть игуменіей. Для меня, малодушной и маловѣрной, въ то время это предсказаніе казалось даже и смѣшнымъ, потому что я и въ рясофорѣ тогда еще не была. Отца же Иларія тѣмъ же годомъ перевели въ Соловецкій монастырь, и онъ, по чину Соловецкой обители, служилъ тамъ съ осѣненіемъ, т. е. почти какъ архіерей. Черезъ шесть лѣтъ онъ возвратился обратно въ Задонскъ и письмо о. Теофилакта берегъ какъ сокровище.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ житія Преподобнаго Серафима Саровскаго.

Когда Преподобный Серафимъ объявилъ о своемъ подвигѣ— „стояннн на камнѣ 1000 дней и ночей“—одному изъ братіи, то послѣдній замѣтилъ Преподобному, что подвигъ его превосходитъ силы человѣческія и что такихъ подвиговъ не возможно совершать безъ особенной благодати Божіей.

— „Да! отвѣчалъ старецъ,—и я внутренно подкрѣплялся и утѣшался тѣмъ небеснымъ даромъ, который сходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ,—и, помолчавъ, продолжалъ: когда умиленіе есть, то съ нами Богъ. Какъ дождь, падая на землю, даетъ приличныя качества растеніямъ,—сладкимъ сладость, крѣпкимъ крѣпость: такъ и благодать, въ сердца вѣрующихъ отъ Бога сходящая,—производитъ въ нихъ всякое благо: алчущему Христа ради бываетъ пищею; жаждущему—сладчайшимъ питіемъ, зябнущему—одеждою, трудящемуся—успокоеніемъ, молящемуся—извѣствованіемъ, и плачущему утѣшеніемъ“.